

СОЛО

Этюд*)

— Саковский! Ради бога—не так громко! Ведь, у вас пианиссимо! Ти-та-та... та-ти-та-та! Тра-да-а-а! И звук совершенно гаснет... умирает... поглощается общим мягким и ласковым шумом пробуждающего леса... Понимаете?

— Угу,—кивнул головой бритый и усатый поляк, солист на английском рожке, и снова melancholично зашел свою партию. Репетировали «Пробуждение леса», музыкальную картину, недавно написанную молодым капельмейстером балльного оркестра Шарковым. Антрепренер сада, в котором играл Шарков, задумал угостить публику «грандиозным» гуляньем, и Шарков, приурочив к этому гулянию свое «Пробуждение леса», волновался и горячился, спешно разучивая новую пьесу. Он возлагал на удачное исполнение своей пьесы большие надежды. У него была «она», пока еще мало обращавшая на него внимания, и он надеялся, выступив перед «ней» в роли композитора, победить ее. Это было бы дважды хорошо—во-первых, сама она была очень лакомым куском—вдова, два-

дцати пяти лет, всегда со вкусом одета, всегда жива и весела, чуть-чуть скептически, с такими красивыми, ясными глазами, с роскошным бюстом; во-вторых—у нее после мужа осталось тысяч пять—десять денег и доходный каменный дом.

Он давно, но безуспешно ухаживал за ней, и теперь полагал, что «Пробуждение леса» разбудит и ее сердце.

— Вот так, Саковский, так, даже еще слабее... да. Тимпаны—тихо-тихо начинают сейчас же за вами—это порыв ветра, потом скрипки... кларнеты... так! Валторны! Прекрасно!.. Кларнеты... скрипит старое, сухое, дуплистое дерево... поют птицы—флейты! Пикколо... вот! Теперь, Ильков, вы вступаете... вы, как ваше соло?

Ильков, баритон, молодой человек с длинным лицом и большими печальными глазами, падал щеки, приложил свою трубу к губам и заиграл мечтательно и тихо красивую мелодию, густым, дрожащим, как бы догосащимся откуда-то издали звуком. Капельмейстер, помехивая палочкой, с удовольствием на лице слушал его, и когда последняя нота, задрожав, порвалась, жиго вскричал:

— Я был уверен, что вы мастерски справитесь с этой вещью!.. Теперь, господа, пожалуйста, еще раз сначала... Ну-с...

— Павел Борисович...—сказал Ильков. я—могу уйти?

— А вам очень нужно?

— Да... мою партию проведет вот он,—Ильков кивнул головой на своего соседа.

— Да... у него пауза в этом месте... Гм? Хорошо, идите... я надеюсь на вас.

И с видом командира композитор жестом разрешил Илькову идти. Тот встал, задумчивый и скромный, надел было шляпу на голову, потом снял ее и, рассеянно оглядывая своих товарищей, замер на месте. Вокруг него текли широкой волной тихие, плавные звуки, точно шептавшие о чем-то торжественном и важном. Капельмейстер, возбужденно дергая левой рукой свою бородку, дирижировал и, казалось, раковины его ушей двигаются от напряжения, с которым он прислушивался к оркестру. Порой его лицо вспыхивало от удовольствия.

Ильков смотрел на товарищей, внимательно читавших ноты, и потирал себе лоб, а брови его беспокойно двигались.

— Не дашь ли ты мне три рубля?—обратился он к контрабасу, высокому Хохлу Япченке, когда тот делал паузу.

— Это для конфет ей?—ухмыль-

*) Этюд «Соло» относится к малоизвестным произведениям А. М. Горького. Напечатанный 21 июня 1896 г. в «Нижегородском листке», не включался впоследствии ни в сборники рассказов Горького, ни в собрания его сочинений.

нулся Янченко. Ильков кивнул головой.

— Так тогда не дам... потому глухо кормить козу конфетами — для этого капуста есть.

Ильков вздохнул, нахмурил брови и пошел со сцены садового театра, где происходила репетиция. Вслед ему грустно пел свою партию английский рожок.

Через полчаса Ильков сидел на скамье в глухой аллее сада и чертил тростью на песке дорожки разные фигуры, кусая усы и наблюдая, как конец трости бороздил песок. Иногда он, с ожиданием в глазах, смотрел вдоль аллен. Но она была пустынна, в ней было прохладно и сыро, и деревья стояли неподвижно, бесшумно. Кое-где сквозь них просвечивало небо, и чирикали птички в густой темно-зеленой листве, а порой из театра доносились обрывки звуков музыки, с улиц города — глухой дребезг пролеток, звон колоколов. Было уже часов пять — благовестили к вечерне.

Ильков вздрогнул, быстро встал со скамьи и пошел навстречу девушке в сиреновом платье, с зонтиком в руках и в кокетливо сдвинутой на затылок шляпке, открывавшей личико — круглое, розовое, веселое. Шла она неторопливо и улыбалась задорной, ясной улыбкой...

— Аккуратный, — сказала она, когда он поравнялся с ней и взял ее за руку... — А конфеты? Опять нет?

— Сонечка! Право, ни гроша денег! — умоляюще и сконфузившись сказал Ильков, взяв ее под руку и возвращаясь к скамье, на которой сидел.

— А говорит — люблю! Занять рубля не мог?

— Соня — пробовал!

— Ну, уж молчи... Не верю, — и она шаловливо ударила его по плечу рукой зонтика.

— Вот тебе за то, что ты неслух и не любишь свою девочку...

Ильков плотно сжал губы, как бы желая удержаться то, что хотел сказать ей. Она шла рядом с ним и что-то нашептала, с боку глядя в его бледное лицо.

— Ну, что же ты молчишь? И куда мы пойдем?

— Посидим здесь, Соня... Здесь прохладно и никого нет... Мне нужно серьезно поговорить с тобой...

— Опять серьезно? Какой... серьезный. Я знаю, о чем... — и она усмехнулась.

— Конечно, знаешь... Я все прошлое хочу сказать тебе, Соня... Как же решилась ты? У него вспыхнуло лицо, и он крепко сжал ей руку, а она отрицательно качнула головой, садясь на лавку, рядом с ним...

— Нет? Сонечка, — когда же? Ведь это мне уже не в силу стало. Сколько времени я терплю, жду, когда ты скажешь мне, что согласна. А ты... так странно... ведь ты любишь меня?

— Конечно! Но, голубчик, куда торопиться? Успеем еще быть мужем и женой. А теперь мне странно решиться... как мы будем жить на 30 рублей в месяц?

Лицо у нее стало холодно и серьезно, а глаза как бы острее... Ильков несколько отодвинулся от нее и поник головой.

— Живут люди и на двадцать... — тихо сказал он.

— Так ведь, как живут?

— Лучше, чем ты теперь, — тихо сказал он.

— Это почему? — Она нахмурила брови и отняла у него свою руку...

— Видишь ли... Ты не сердись,

я все тебе скажу по-просту, дружки... Теперь на тебя смотрят, как на девушку... сомнительную... знаешь? Около тебя выются всегда разные черти... этот писарь Харламов.

— Ну, что же? Харламов очень интересный, и мне с ним весело, — пожалала она плечами, — а ты все выдумываешь... Сомнительная! Знаешь — другая за такое слово раззнакомилась бы с тобой, да!

— Соня, милая?! Разве я так думаю? — испуганным полупопотом заговорил Ильков, — ведь я вижу это, ну и говорю. Хочу предупредить тебя...

— Меня нечего предупреждать... я сама себе большая... — обижалась она и отодвигалась от него все далее. Он, наклонясь к ней, горячо говорил, сжимая ее руку.

— Сонечка, да не сердись же! Вот погоди... завтра вечером я играю соло... очень трудное, в этой новой пьесе — знаешь? Я хорошо исполню его, и выпрошу у Шаркова себе прибавку... Он даст! Он тоже, как я, влюблен в одну богатую вдову... и завтрашний день для него — роковой!

— Кто она, а? Скажи! — с любопытством в глазах подвинулась к нему Соня и заглянула в его взволнованное лицо.

— Она? Это не важно! — махнул он рукой.

— Вот видишь — такого пустяка не хочется сказать... а говоришь глупости... — снова обиделась она.

— Да разве в ней дело! — с отчаянием воскликнул он. — Ведь судьба моя решается. Ну, скажи мне, милая ты моя, скажи, если Шарков даст мне сорок — ты обещалась со мной? Соня? Ну, скажи?

Она долго молчала, думая о

чем-то про себя и шевеля губами, как бы считая что-то.

— Соня!—шептал он, склоняясь к ней и нервно сжимая ей руку...

— Сорок... — задумчиво начала она.— Это, пожалуй, хватит. Потом еще прибавят или так уж всегда будет сорок?—осведомилась она.

— Прибавят!—горячо шепнул он.— Я буду солистом... дадут и пятьдесят... и семьдесят пять... поступлю в хороший оркестр, а завтра тебя буду, как куколку... делая, Сонечка!

Воздух вокруг них был влажный, душный, теплый, было тихо, деревья стояли неподвижно, и небо розовело сквозь их листву, на вершинах уже позлащенную лучами заката.

Соня, положив голову на плечо Илькова, закрыла глазки, а он целовал их и возбужденно шептал ей о своих надеждах на будущее...

— Пойдешь, Соня—если сорок?

— Пойду...—шепнула она...

— Родная! на свадьбу я займу сто, и... Господи! как это все будет хорошо! Уж тогда эти дьяволы, которые вьются около тебя, не будут говорить о тебе разных поделстей! Ты будешь моей женой, и я... задам им! А теперь—ах, Соня, иногда они... Янченко, например, такое говорит!

— Ну, что мне сделается от разговоров!—сказала она.

— Ах, ты не слышишь! А каково мне? Я люблю тебя, а они...

— Так ты, — перебила она его, — завтра будешь просить прибавку?

— Нет—после-завтра. А завтра я так сыграю это соло! Вот увидишь... услышишь... У тебя цела контрамарка?

(Окончание на 4 стр.).

М. ГОРЬКИЙ

СОЛО

(Окончание. Начало на 3 стр.)

— Да... я приду слушать... Ты, смотри, отличись!

— Уж будь покойна! Мы завтра оба—и я, и Шарков—должны отличиться...

У него весело горели глаза, и руки его дрожали от радостного возбуждения, а она с улыбкой смотрела на него, и было что-то загадочное в этой улыбке. Прядь темных волос ее выбилась из-под шляпки и красиво лежала на розовой щеке... Ильков, любуясь ее личиком, все ближе склонялся к ней... Она посмотрела в даль аллеи—там попрежнему было пусто... Тогда она бросила свои руки на плечи ему и прошептала:

— Поцелуемся и пойдем!

Она оттолкнула его.

— Будет! Хорошенького понемножку.

Они встали и пошли по аллее под руку друг с другом. Она была ниже Илькова и, говоря ей о чем-то из духа, он шел, наклонив голову к ее плечу. Слушая его шепот, она ясно и весело смеялась, вызывая своим смехом улыбку на бледном лице своего спутника.

Они шли; сзади их все гуще ложились вечерние тени; подул легкий, влажный пахучий ветер, и деревья аллеи таинственно зашумели вслед им.

«Пробуждение леса» начали инструменты нежным, мечтательным

пианиссимо. Казалось, чуть брезжит рассвет, еще солнце далеко, но уже лес чувствует утро и сонно трепещет навстречу ему. Свистнула пикколо-флейта, — проснулась какая-то птичка. Фагот запел — как будто филли прощался с тьмой ночной. Гобой вторил ему, как эхо; альт-горны вступили в эти звуки, и все смелее пела пикколо-флейта. А лес шумел—тимпаны, контрабас, виолончели лили в воздух дустые, но тихие, красивые звуки...

Шарков, с бледным лицом, следил за оркестром и публикой,—публика молчала, густой толпой собравшись вокруг эстрады и внимательно слушала пьесу. На первой скамье сидела «она» с лорнетом в руке и с веером в другой. Шарков видел ее, когда вставал у своего пиюитра, и чувствовал теперь ее, стоя к ней спиной. Иногда он оглядывался назад, и в его глазах мелькало ее серьезное, внимательное лицо... Ему было жутко от этого внимания —она понимала музыку и была очень строгим критиком его способностей...

И Ильков видел свою Соню... Она сидела у столика, в стороне от эстрады, под деревом, от которого на нее и на ее подругу падала густая тень. С ними сидел и Харламов, крутивший свои усы, и еще какой-то тоже военный писарь. Илькову было очень удобно наблюдать за этой группой и, судорожно перебирая клавиши своего инструмента, он горячими глазами, с жгучим чувством ревности в груди, следил за каждым движением лица Сони. Вот она делает глазки Харламову... вот он что-то сказал ей, и она тихо смеется... А вот Харламов встает... Зачем? поправляет накидку ей и.... садится с нею рядом, почти закрывая ее от глаз Илькова. Чаклук—